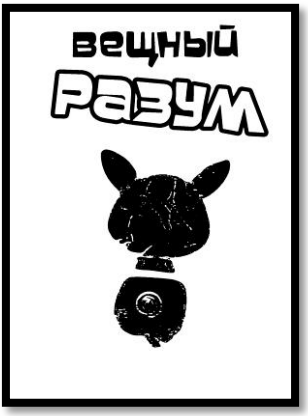
стихи и рисунки



капустный лист № 2

Тула 2015

Серия «Капустный Лист» № 2

Вещный Разум

«Вещный Разум» Сборник поэзии.– Тула, Типография «Borus», 2015. – 112 с.
(поэзия)

Предлагаемый литературный сборник продолжает творческий проект коллектива авторов, обьединенных главной человеческой целью – познанием себя.

Поэтические произведения проиллюстрированы каждым автором самостоятельно.

Создано при поддержке
Арт–Студии «Каморка»
арт–каморка.рф

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

содержание

Шри Махадэва Ади Нидана_____7

Бондаренко Илья_____31

Бондаренко Мария_____53

Парамонова Елена_____61

Клочко Нина_____77

Краснова Татьяна_____83

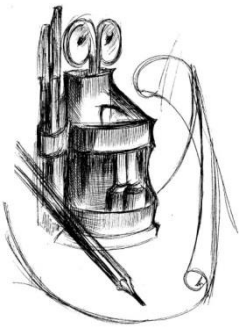
Черевко Виктория_____87

Грызлов Сергей_____91

Богданова Татьяна_____95

Пинк Диана_____99

ШриН_____101

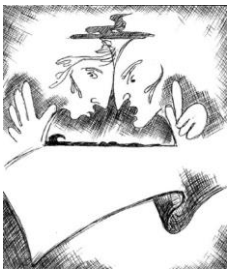


Иногда более, иногда менее серьезно, трогательно, откровенно, нежно, задумчиво... Осторожно войти в комнату, взять в руки первый попавшийся предмет и попросить рассказать его свою историю....

Капустный лист №2 составляют истории рассказанные вещами и предметами, являющимися частью нашего уюта. Эти истории были переведены на язык человека, разными авторами едиными в своем стремлением проникнуть в суть вещей.

Шри Махадэва ади нидана

Как Смычком по Нервам,
как Пальцем по Стеклу,
как Пилой по Сердцу Любимой:
Я прошелся по Видениям Дней и Ночей.
И, собрав в Охапку Тайны,
с размаху Бросил Их в Пламя Времен,
Как Ушедших, так и Подступающих,
К Порогу перед Дверью, Открытою
Пинком
и Закрытою, с Грустью, Ладонью...



Две Мои Головы — Носами —
В два Обстоятельства разных...
В Мир Напряженья — Усами
Тычусь. Токов Напрасных
Вокруг — Тьма, но я ищу Свои Токи,
Которые текут по Нервам Мира.
И Прежних Напряжений Уроки
Не беспокоят. И я не ищу Кумира
Лукавого, как Напряженье в Сетях,
Кормящего нас Сбивчивой Волей.
Держа Искры Слова в Горячих Горстях
Ладоней, и, не найдя Паролей,
Силой направлю Поток Стихийный
Через Сердце Свое, во Вне.
Если, конечно, Импульс Сильный
И нет Препятствий на Той Стороне...

Гамак

Усталый Гамак, с растянутыми Боками,
Колышется вяло, как Брюхо Рептилии.
Панцирь - помят. Его Кулаками
Лупили Века, в Чванливом Бессилии.

Ячеистость Тела спутана Временем:
Тысячи Грыж и Рвань Сухожилий.
На Сердце Его, Усталым Бременем,
Память легла, о Других Рептилиях.

Полы – Отциклюй,
Не сбивая Дыхания
С Ритма.
И Щели,
Меж,
Старой Стеною
И...
Плинтусом Новым
Обла–Благородь
До...
Высот... Запредельных
Эстетства –
Подранным Носком
Или
Массой Надежной
В Составе Которой:
Ноль–Пять – Ацетона,
Колготок Клубок,
Пластмассовой Стружки –
Пригоршня,

Лежащей в Ладонях
Моторно-Костлявых.
Легко восседая
На
Троне Газетном
Из
Старых Подшивок
Вестей Прошлогодних
И
Свернутой Шубы
Русачьей Породы,
Вдыхай Аромат
Нафталиновой Пыли,
Играя Мозгами,
В...
Сртастях...
Как Ван Клиберн,
Возможно, и Клайберн,

А... Бог Его Знает...
Играй Вдохновенно!!!
Гоняя в... Пустых
Переулках Извилин
Старинные Ноты
По...
Нотному Стану,
И,
В Страстной Запарке,
Смотри не попутай
Его с Зерновым
Из Прошлого Века.

А, впрочем,
Как знаешь...
Но лучше -
Циклюй...

Последний Шаг в Разбитое Пространство,
Где Гнутый Столб на Плоскости Раздела,
Вопросом врос, минуя Мессианство
Толпы Страстей и Страхов без Предела.

Фактура Снов в Пространстве, как
Утеха,
Сжимая Миг Раскованно и Мерзко,
Качаясь Томно в Световых Отрезках,
Рвалась, как Плоть, где Старая
Прореха
Бросала Взгляд Отрывисто и Дерзко.

Роняет Свет Свой Взгляд Куда-то...
Куда?! Куда?!..
Да в Бездну Загрудинного
Пространства!
Тоска в Кишках! Хоть делай Харакири!
Кому?! Кому?!..
Тоске!!!
Вы, что же, думали иначе?!
Зачем так думали?!
Хотели Гадость подложить Мыслишкою
Поспешной?!

Не дамся просто так! Не дамся я!
И Совесть, не пронзенную Мечом
(Мечом уж лучше, но не Вилкой),
Упрячу на Высокой Пальме,
Что Кроной достает до Неба...
На Кроне Той еще я не был, -
Не тороплюсь пока...
На Крону Ту - Билеты дорогие,
Пока не выбран Способ Попаданья на
Вершину...

Йех Китаб Хе – Это Есть Книга, –
Как говорят на Хинди
Мои Друзья по Поиску Надежд –
Имеется в виду, о Книге Пустоты,
Что Книгой Жизни, Проявленной на
Плане Формы,
Зовется Теми, Кто Ее листает –
Постранично,
На Символах Созвездий в Небесной
Кутерьме,
Но спрятанной в Веках,
Которые у Родников Предвечных
С Канистрами стоят за Влагой
Предбытийной,
Как будто бы Авто – в период Кризиса
На Топливо Земное...

Усталые Века, заросшие Бурьяном
Чувств,
Которые навязчиво пытаются продать
Свой Хлам
Глупцам, что роются на Свалке Бытия,
И ищут Старые и Новые Отбросы Тем
Земных,
Не знавших Чести, но...
Но Славу постоянно жравшие От Пуза.

Не грейте Жен Чужих в Своих Постелях,
Как, впрочем, и Мужей –
Они вас предадут,
И вы окажетесь в Краю,
Веревкой обработанном Суровой,
По Принципу Лаптей Туземных,
Не годных для... Холодных Мест...

Свинцом в вас Небо плюнет
И охладит ваш Пыл, направленный на
Грязные Делишки,
Столь важные в Период Жалких Стонов
Извозчиков Шальных и Визга Тех,
Кто в Поросячьем стаде
Отплясывает Страстное Фламенко,
На взломанном Паркете Холла для
Толпы.

Плоды на Головы бросаю Пальмы,
Планируют Плоды –
Посадки корректируют Великие Умы
Из Райских Кущ, Команды отдавая.
Врезает Время в Быт Земной
Счастливые Мгновенья Устойчивых
Надежд,
Восторгов, Восклицаний, Кривых Зеркал
И Криков в Зазеркалье.
Обратный Путь – закрыт...

В Июльском Жаре плавится Асфальт,
И Черные Ручьи вплетают Русла
В Цветущий Палисадник под Окном,
И бычится Соседский Кот,
Взирая на Пейзаж, готовый расколоться
Под Прессингом Кокетливой Судьбы,
Чей Взгляд прикрыт Прозрачностью
Воздушного Плаща, парящего
У Самой Кромки Лета.

Но Кто нас выведет из Огородов
Чувственных Страстей,
Тоннелей Умственных, Харизм,
сплетенных в Паутину?
Где Тот, в Которого мы Камни
запускали,
Смеясь Ему в Лицо, - Ему,
Способному Куски Породы укротить,
До Уровня Понятий Невозврата?!

Где Тот, Который без Чудес и Славы
Пройдет сквозь Бури Наших Жизней
И не утонет в Море Наших Чувств,
И не сгорит в Огне Нелепого Ума,
Который каждый принял как Подарок
От самого себя в Пределах Достигаемых
Времен?!
Мы снова - ждем?!

А если...все, - Конец! Мы все -
осиротели?!..
И Дхармы Колесо Ни кто не остановит?!..
И снова - Ложь на Тысячи Столетий?!..
Йех Китаб Хе и Йе Китабень Хень...

Йех китаб хе (хинди) - Это книга.
Йе китабень хень (хинди) - Это книги

Кафель

Кто клал Этот Кафель...
Неровно, Плитку ... не Кирпичной
Кладкой?
Гуляют Смещения Сотами Вафель.
Я тру Ступнями по Плитке Украдкой.
Гладкость Плитки, как Гладкость Мозга
Народных Героев,
В Пазы - Грязь, вьелась, как Вера в
Верность Истории,
Кто-то Цифры завышает, как Размер
Удоев -
В Те, прежние Времена, на Своей и
Чужой Территории.
А кто-то уже Все завысил до Размеров
Космических
Растерялся и плачет, сморкаясь в
Рваный Носок,
Ревет, забыв о Понятиях Дидактических,
О Тех, Которые по Карнизу Теории Быта
- скок...скок...

Дымит Самовар на Столе.
Нет Дыма Внизу под Столом.
Тем Хуже Там, под Столом,
Что Дыма нет под Столом.

Дымит Самовар под Столом,
Но Дым не гуляет Вверху.
Тем Хуже Там, над Столом,
Что Дыма нет над Столом.

Пойду, уберу Самовар.
Поставлю Его на Траву...

Дымит Самовар на Столе.
Чем Хуже Там, под Столом?
Нет Дыма Внизу, под Столом -
Тем Хуже Там, под Столом.

Дымит Самовар под Столом.
Чем Хуже там, над Столом?
Нет Дыма Вверху над Столом -
Тем Хуже Там, над Столом.

Пойду, уберу Самовар,
Поставлю Его под Окном...

Вспороли Тишину
Две...
Челюсти Акульи
И
Полосой Прошли
По
Мягкости Излома.
И
Раздвоилась Жизнь
На Два
Фрагмента Круга,
И
Обнажилась Твердь
Израненного Поля,
Укрытого Чужой
Заржавленной Травою,
Где,
Скользкой Пеленой
На...
Твердости Разлома
Двоилась Жизнь, Крутясь,
Фрагментами по Трое...

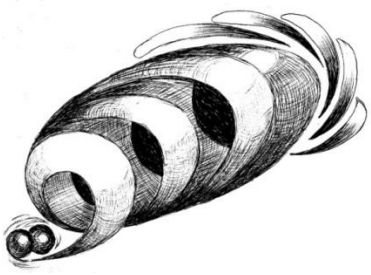
Перламутровые Ногти Золотого Манекена
Колупают нежно Краску
Старой Грязной Батареи.
Перламутровые Гу-Бы,
рассыпая нежно Ласку,
Поцелуй послали жаркий
Смельчаку на Скользкой Рее,
Мокрой, шаткой и разбитой
Кулаками Океана,
Слегка, справа, расщепленной
от ударов Посейдона
И прибитой Старой Ручной
от Молочного Бидона.
Пальцы - Стынут! Ногти - Гнутся!
Он не стриг их
Сорок Суток. Ногти режут Плоть Ладоней,
Оставляя Оттиск Линий,
будто Знаки на Заборе,
Для Разведчиков - на Деле,
и боящихся раскрыться.
Только Волны лижут Груди
постаревшей Каравеллы,
А, слегка подгнивший Парус,
продолжает молча рваться,
И Команда точно знает, что пора Ей -
собираться...

Под Диваном

В Углу Пух у нас Копится, Постепенно.
Не Метем, Лень Такая, как у Ленивца.
На Немытом Полу, Нежно, Нетленно –
Пыль Пуховая, Серая, как Рукавица.
Но не только в Углу,
под Диваном Тоже –
Из Лохмотьев Мелких –
Какая-то Гадость.
Кто-то, видно, Тайно выстроил Ложе,
Для Себя, и Другим – на Радость.

Крышей дерет Губы Небесные молчащие
до Боли, до Крика... Молчащие, как
Герой,
Перед Смертью. Только Взгляды,
Сверлящие,
Немых Обликов, и Тишина – над Горой,
Уходящей Вершиной в Чей-то Шепот,
Покрывающий Вертикальность Среза
Корней
По Горизонтали, по которой
Направленный Топот
Разлетается Комьями Мыслей – Коней.

ФЛИСОВЫЙ ПЛЕД



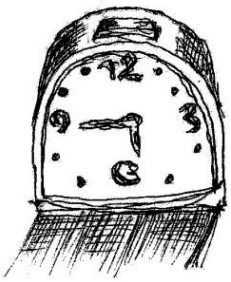
Синтетическая Бодяга нежно гладит
Эпителий.
В Крупную Шотландку Поле
растатуировано,
Неуловимо легки, как Менделеевский
Гелий,
Его Ласки, и Тело мое расформировано
На Клеточные Чеки Ярких Тонов,
Жаром бодрящих в Холодное Утро
Когда рассыпаются Обители Снов,
И ты надеешься на Чудо, как - Будто.

Раструбом Небо в Лицо...
Крупный Аспект – вам Ситуация,
Чувства в Залог?
А с Бриллиантом Кольцо?
Совести жалкой Кастрация,
Страхом пришла на Порог.

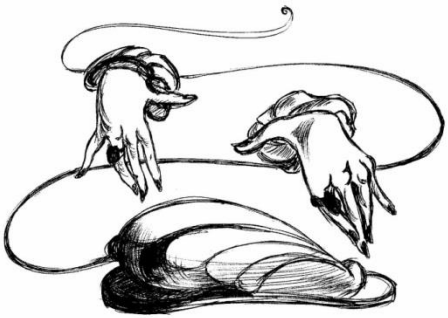
Раструбом Небо в Лицо...
Крупный Аспект – Действия Ваши,
Продана Яхта?
А с Изумрудом Кольцо?
Ваша Звезда – у Параши,
Там Вечная Вахта.

Раструбом Небо в Лицо...
Крупный Аспект - Воля Героев,
Мечутся Птицы?
А с Хризолитом Кольцо?
Рушатся Стены Устоев,
Пылью покрыты Ресницы.

Раструбом Небо в Лицо...
Крупный Аспект - Слезы Уставших,
Криком Пространство Крушат?
А с Феонитом Кольцо?
Стоны Безликих Упавших
Целей Своих не решат,
Только Часы не спешат.



Графика Мысли – Пища для Крыски.
В Кашке Инета Зубки гуляют.
Режется Плоскость Сайтовой Миски.
Глазки, как Угли, – Искры пуляют...

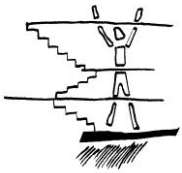


БОНДАРЕНКО ИЛЬЯ

Через тысячу лет опять пианино, гаммы,
Прыжки через парапет, леденцы и шрамы.
Через тысячу лет придет печаль
другого порядка,
В нашем саду зарастет последняя грядка.
Спустя тысячу лет вокруг те же самые лица,
Но уже не тянет ко дну, к веслу,
и даже напиться.
Я надеюсь на лучшее как ахиллесова пятка
Я хочу приблизить печать иного порядка.

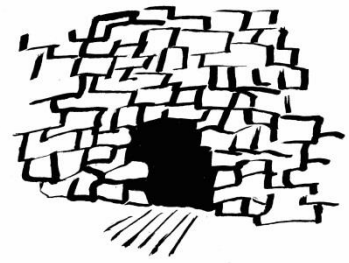
ВИРШ ДЛЯ БРОДСКОГО

Вниз опускаюсь по лестнице дома,
Подъезда, в котором, наверное, кома.
Нить, подвязав к грязному хаки
Перил оголяющих в полумраке
Однообразье простого пейзажа.
Который не сгладит пожар или кража.
Меня, обволакивая немотою,
Бетон, уже тем говорит чего стою,
Что был до меня, и останется после,
В воздухе горечь, как будто бы возле
Пролито пиво, и пьяные тени
Падают вниз с отвесной ступени,
Которая спутает дальнего с ближним,
И я ощущаю себя новым лишним.
Хоть тень рисует всегда с натуры,
Она ниже роста и температуры.
В холоде холла сложенном в камне
Входы оканчиваются тупиками.
Лестниц пролеты – это по сути
Память о том, что было и будет.
Сломанный клапан мусоросброса –
Ясный ответ в тумане вопросов.
Трещины швов и тень минотавра,
Дышат наивностью фразы «до завтра»,
И пальцы взывают к сумрачной лаве
В поисках выхода, если я вправе...



Дверь

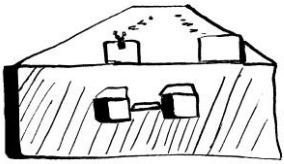
Я – один из способов не делиться.
Ладонью к щеке наличника.
Шанс подобрать мотив
Связкой ключей. И безразличие
К собственной красоте и уродству.
Скрип петли – это скрип весла.
Рисунки на полях, напоминают
Рисунки на полях сражений,
И в том и в другом случае
Огромное синее небо над.
Я повис и вишу на петлях,
В правом кармане кобальт,
В левом кармане базальт.
Нахожу себя в полном отсутствии,
В глобальной незначительности
И глобальной значимости...
Остатки дождя смешивается с дымом из
труб,
И вслед отгудевшей буре,
Я смотрю в распаленный воздух
С готовностью к новой жизни.



ГОЛУБАЯ КОРОБОЧКА

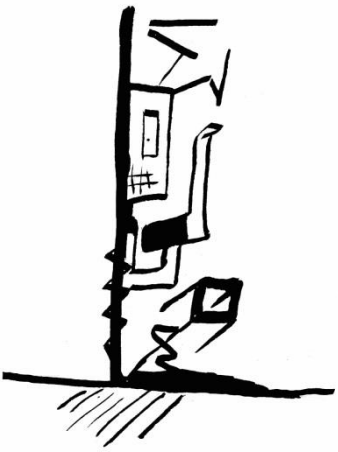
Непрерывный аборт голубой
коробки с мелодией
Хрипло кровавой, детско-
мертвецкой внутри.
А снаружи – стены штрихует дождь,
и ветер
Взламывает черепицу, деревья летят
на восток,
Автомобили поворачивают колеса на
месте.
И ты прекраснее всех прекрасных
с локтем на батарее...
Отдаешь свою кровь небу затянутому
алой пленкой.
Под которым в пыли у забора я. Я
никогда нигде не был.
Все, что есть у меня это ты и
голубая коробочка,
Истортающая мелодии. До судорог, до
припадка...

ЗЕЛЕНЫЕ ОЧКИ



Как нереально то, что вижу я.
В очках зеленых примесь разрешенья
Того, что недоступно никогда
Простому голубому глазу.
Как странно жить не вечно,
Жить вечно же еще странней,
И я — посередине. Хожу
в зеленых стеклах в тюрьмах
континента
С оградами лесов и рвами рек.
Но зелень неба различаю
Пока от зелени синиц,
Поющих хрипло и надрывно
В окрестностях людского бытия
Меж этажом четвертым и последним
Где мой удел с четвертого на первый.

Деревянная палка вокруг головы
Когда к виску приближают круглое
дуло
И постыдно скривившись, мол, увы,
увы...
Только с воплем Швайн! он
соскакивает со стула
Хватая предплечье как каменный
автомат,
Выдвигает вперед колючую челюсть,
Закатив глаза, дает очередь наугад
И убивает их всех, убивает их
всех, не целясь.



ИНСТРУКЦИЯ К СТУЛУ

Где взять инструкций к стулу и чай
Ван Гога?
В желтый стакан – искусственной бы
заварки...
Последний десяток лет я сплю плохо
Неподалеку... тут, в сине-зеленом
парке.

Смирным служакой, вяло бреду
со смены
В серых ботинках, стоптавшихся
в это лето
В почте, не доставляющей перемены,
В поле подсолнухового рассвета.

Автопортрет не старится, там мне
тридцать
Я и не думал, как остается мало...
Мало цветов заблудится в море ситца,
Бросившись с нервной кисти на
покрывало...

Над пустотой струится звук
настороженно
Эта дорога хожена – перехожена
Пространство замкнуто. Я внутри себя
– Клаустрофобия невозможна.

Мыслю, а может вовсе не существую
Веруя в мысли, радуясь, протестуя,
В лаборатории, отрезанной от вселенной
Без пустоты соседней и все в пустую...

Неизбывно одно – вращение по спирали
Позвоночником к оси игрек, будто
распяли
От истовой медитации на циферблате
Время стоит на месте, как лед в бокале.

И тень моего желанья рождает слово
И скорлупа по полу как будто снова
Кто-то смахнул хвостом со стола
прислуги
Пачку яиц, полрепы, остатки плова.

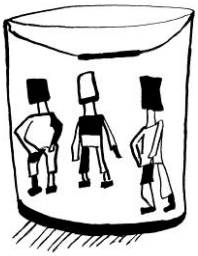
Бабушка умерла, валенки остались.
Ветхие, пахнущие, потертые валенки.
Сунув в них ноги, я пошел в школу.
Учительница очень ругалась,
Дети улюлюкали и хохотали,
Бабушке было уже не до смеха.
Я не дыша, смотрел ошалело
На стаю коварных и глупых детей
Из под разлапистой дедовой шапки...

Несчастные, они не станут слушать
Стихи, предположенья и подстрочник,
Напутствие старается разрушить
Меня, но я и есть его источник.

Чадит свеча — божественный подарок,
В руке судьбы лопатка для подкопа.
Но я восторг тушу как огарок,
В предчувствии Всемирного Потопа.

Журчанье в туалете в отдаленье —
Есть памятник текущего момента,
И изваяние, вздохнув в недоуменье,
Спокойно удалилось с постамента.

Теряя себя, в пустое ведерко
Сложить что-нибудь взамен.
Учась рисовать, потрачена стёрка
В попытках постичь безмен.
Воздух прокурен тут шашлыками,
Хоть курят совсем другое,
Соседи обходят меня кругами,
Пытаясь пронюхать кто я.
Голос кричит: он не похож
На Петра, на Фому и Матфея.
Господи, как ты ко мне придешь
Не представляя где я...

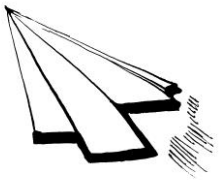


РУКОПИСЬ

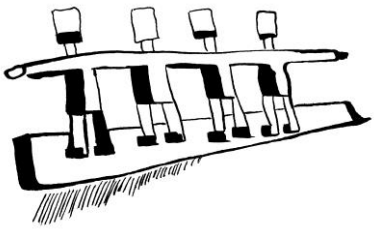
Рукопись – к пра пра пра...
Словно и не было,
Позавчера еще солнце светило
А вот сегодня – снег...
С рук, с ног, с нег.
Кажется, что слегка напрягись
И сейчас как...
и уже вот–вот...
Но нет.
Нет!
Нет, ну ты посмотри –
Никак не уймутся там!
Так бы и трахнул рукописью
По голове... пра пра пра...
И размякшая снежная шапка,
Обнажая проплешины сфинкса,
Утекла б наутек и с огромного века
Капнула б капища!
«Ест человек, сьели ли человека –
Какая разница» –
Потрясала жиденькой рукописью
Разжиревшая одноглазница.
Дотряся – померла.
Славно...
Без промежуточного, без конечного
Условия для болезни.
Мы не вспомним ее ник о да
Даже если она сейчас
Возьми и воскресни.

Больно смотреть в календарь
природных явлений,
Месяц достал из кармана бордюрный
камень.
В белом лице его нет и следа сомнений,
Сердце чеканит азбукой Морзе «аминь».
Кожа соседей в струпьях и сплошь
чернеет,
С этих ребят как с меня наверное
хватит,
Только один, не дождавшись когда
стемнеет,
Вытащит тело Энни из-под кровати.

Двери пошире, мне не хватает света,
Самое время потоворить о погоде,
Смерть заказала жареные котлеты,-
Кажется я практически на Свободе.

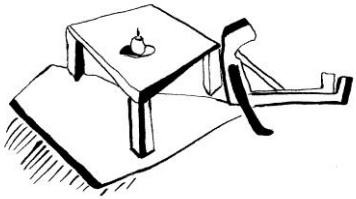


Умру на Ваших рукавах
Как Вы потом на чьих-то тоже,
Кто, если просто, в двух словах
Меня умнее и моложе.
И он потом умрет у тех,
Которые умрут позднее,
Окончив свой слепой забег,
Не интересней, не скучнее.



ТОРТ И ЦВЕТОК, ПРО КОТОРЫЙ НЕ УПОМИНАЕТСЯ

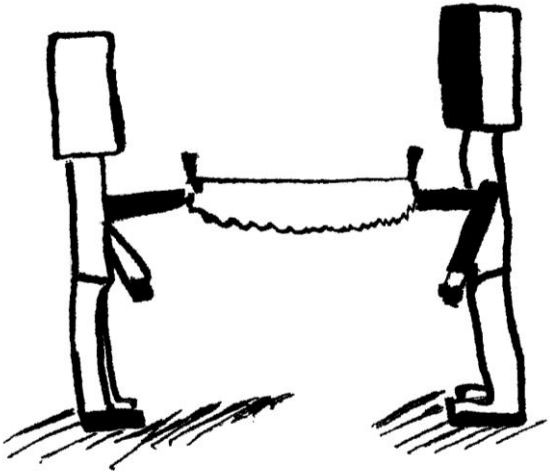
Принесла торт с работы.
Работала, поэтому торт.
Жесткие веревочки,
Сдавившие раковину упаковки...
Работала, поэтому торт.
Узелок на крученой веревке,
Тонкие слабые пальцы,
Легкие ножницы и дыхание
Сплелись в паутине вечера,
Распахни мою грудь
Что там с местом?
Работала, поэтому торт.
Нежная...
Любит.



Судьба команды окончательно решена:
Движенье по клеткам, пока не настанет
ночь.
Тепло в грубых формах дров и вина
Не в состоянии нам больше помочь.

Я приду сюда завтра утром в
последний раз
Встретить рассвет, пока здесь нет
воронья
Состоянье покоя в форме дружеских
глаз
В клетках мозга, засиженных как
скамья.

Ноет глаз с торчащей авторучкой.
Жизнь – точилка для карандашей
Одно острит, другое – тупит
Отблеск ума, сквозь лупу глаз,
Родил во мне едва-стоящий
Недоношенный вопрос.
Царапина карандашом
В Душе.
Книгу – хлопком ладоней
И в транс от ответа.
Будни, как лава снов.
А нас не счесть
Меж нами пространства нет
Лишь лязгающая пила,
Гуляющая в просвет.
Мы – куски пирога.
Чьи-то руки
Тянут нас в рот событий.
В каждый день
Будто-бы в первый класс.
Туда и обратно с ранцем,
С опущенной головой.
В дневнике дня
Новый вопрос.
Но меня не успел
Прожевать предыдущий.
И сотый ответ смешит
Болью.
Сотая боль как мед.



Я внутри ребер,
Весь день каплет снег.
Волосы паклей,
Смешны провода,
Летящие вглубь
Бесконечности дней.
В глазах не двоится.
Меж ребер дышу.
И запахи стружки,
Как в той мастерской
Где сосед... а теперь
Так ходит без пальца.
На правой – нужней,
Но все же привык.
Безликие ребра
Так ровно лежат,
Что сводит глаза
Совершенство.
Упитанный столяр
Трезв аморально
И за ухом гвоздь,
И сигара кубинца...
С улыбкой легального
Наркомана он
Шутит на тему «жениться».

Трагедия скрипки

Трагедия скрипки в оркестре поодаль,
Срывающий маску звук.
Лажала скрипачка познавшая вдоволь
Намедни ночных наук.

Уж лучше б смычка обнаружить
пропажу,
Но в тот самый миг, в упор
Мгновенно контужен осколками лажи,
Немолодой дирижер.

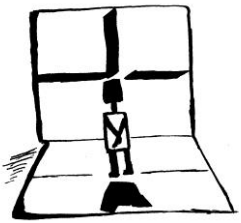
Плыл вечер, был город довольно
отсталый
Никто не позвал врачей,
А ноты нещадно носились по залу,

Подкашивая скрипачей
Топорщились звуки порочно и страстно,
Как овощи на лотках
И альт, сознавая свою сопричастность,
Стыдливо краснел в руках.

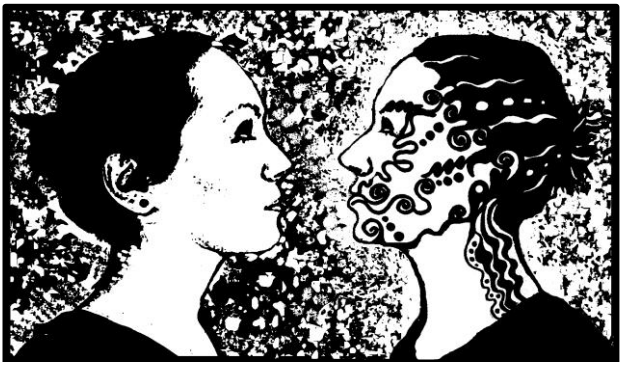
У окна

Где приходится быть русским,
Я упрямый и ворсистый.
Тяжесть неба, и в нагрузку
Нескончаем день мясистый.
Облаков седые тушки
На крюках качает ветер,
После взяв себе в подружки
Черных мамб уставших петель.

Дверь могилы, где я вырос
Пересек стальной замок,
И лежит у ног на вырост
Жизнь, катай ее каток,
Чтобы с каждого погоста
Те, кто шел со мной косить
Говорили: «...жить так просто,
Как ведро воды носить»
Воевать, но не бороться –
Все – мышиная возня.
Я бы был первопроходцем
Если б не было меня.



БОНДАРЕНКО МАРИЯ



Толкаюсь между предметами, сплю на них, пью из них, спотыкаюсь, живу с ними, разбиваю, склеиваю, пользуюсь ими, и они все переживут меня.

Голубые глаза — в них непостижимая
пропасть.
Страдания мудреца и девственный
взгляд котенка.
Губы, как свежие розы, чистые слезы,
робость,
Космос, вынашенный в
сверхматериальных пеленках.

Сковорода неба

Шумит не в ушах, нет, а где–то
в груди!
Да так громко, что, кажется, я оглохну.
Пыль сухая садится мне на ресницы
Я с этим жарким вечером вместе сохну.

Солнце шкварчит на сковороде неба
Шорох в кустах в дали за аэропортом
Сейчас закрутиться бы крепко
шурупом
В шелест привычного всем комфорта

Вертится, вертится звездное небо
Падает тихо звездная пыль в кружку
Тихо пальцами соберу все крупицы
И для вечного сна набью ими подушку.

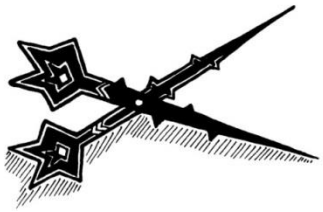
Карандаш

Исписан, истерзан, и выброшен вон...
И множество жизней переписал он.
Себя не жалея, искусству служил,
В работы свои погружался, как в ил.
Эскиз и чертеж, поэма и стих
Рождали в нем умственно-будничный свих.
Бывало, что за день лишь подпись чиркнёт, -
От немочи или душевных тенет.
Творил он во благо, и для красоты,
Которою дышат слова и цветы.
Слеза вырывалась страницей письма.
Улыбка блестела, как в платье тесьма.
В предродовых муках сюжет созревал,
И в руку ложился, как в ножны кинжал.
Теперь он исписан, теперь стал он мал,
И стержень его совсем исхудал.
Погнулся от боли, от старости чах,
Стал в грифеле туп и узок в плечах.
Жизнь стружкой лежала у немощных ног,
В душе зазвенел последний звонок.

Режут пути на дороги и дали,
Каждую ночь на луну и постель.
Минуя бессмысленность мелких деталей,
Вонзятся в огромную красную цель.

Тело нетленное, сталью пронизано,
Лезвия точены тщательно, остро!
Мастера рук ожидая истерзанных,
Чёрную тень заменили на пеструю.

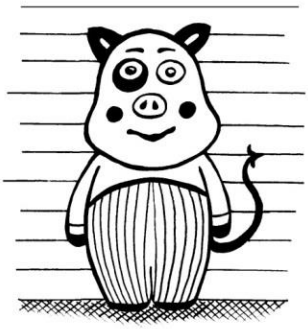
Иглы острие и алмазная прочность!
Себя не щадя и тем более жертв.
С бездействием борются, резко и точно!
Создав неподвластный горенью шедевр.



Звон металла, ласкающий чувства,
Раздается в немой посуде,
Когда я погружаюсь в искусство
Потребления яств на блюде.

По металлу стекаются капли,
И вбирают в себя холод.
Как заточенной новой саблей
Я рублю на корню голод.

В почете и розыске первый,
И «я» пишет он с заглавной,
Он там, где плюют нервно,
И там, где жуют плавно.
Он там, где дороже воля,
И там, где запрет скверен,
Он с детства собой болен,
И только себе верен.

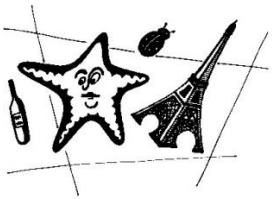


Анапа, Париж и Сочи,
Севастополь, Херсонес, Брест –
Ты найдешь меня, где захочешь,
Привезешь с туристических мест.

Распакуешь, сначала посмотришь,
Потом детям отдашь играть,
А затем навсегда налепишь
На холодную твердую гладь.

Вот вишу словно марионетка,
Примагничен спиной усталой,
Рядом с вечной моей соседкой
Из Парижа железной «шпалой».

Люди только и ходят кругом
Я смотрю на них с высоты:
Неужели тащили нас с юга
Ради этой вот скукоты.



ПАРАМОНОВА ЕЛЕНА

Заобщаю при встрече без скромности
Интересного человечика,
Уболтаю любя – не из корысти, –
Поделюсь безумьем доверчиво.
Любопытство доходит до крайности –
До невыделенного предела,
Обостренной, доверчивой слабости,
Как разборки с собой – до расстрела.

Я хватаюсь запойно за странности
Собеседника впечатленного,
Мне по нраву его нереальности –
Тембры голоса приглушенного,
Что в меня затекает туманностью –
Обольстительной, не банальною,
Согревающей страстною завистью –
Под предлогом встреч и свидания.

Настенная лужа в прихожей
С мушиным шершавым налетом,-
Мое отраженье похоже
На зеркала холод с пометом.

Замкнута в пространственной раме
Энергия лиц одиноких,
Семейной, подверженных драме,
Со взглядом немного неловким.

Мелькают в засиженной луже
Размытые скучные лица...
Надломленный голос простужен
И в луже мутнеет водица.

Ленивый, гладкий стул мой – Кот!
И брюшко на завязке,
Сомкнул свой недовольный рот...
Не любит котик встряски.
Он любит с утреца поспать,
Потом покушать плотно,
Книжонки малость полистать
И жить вполне вольготно.

Не любит котик суеты
По делу и без дела,
Желания его просты –
Урча, понежить тело.

I

У всего есть предел! – Взгляд устало
застыл на стене неподвижной,
Веко, дергаясь нервно, мне моменты
напомнило жизни,
И портьера грустит под двусмысленным
взглядом утробным
Я же, брови насупив, в диалог со стеной
вступаю безмолвный.

2

В запыленном углу неленивый паук
Паутину, вздыхая, сплетает.
Кружева и орнаменты редкой красы
Ненормальная тетка сметает.

Если б знала она – сколько вложено сил
И терпенья в тончайший стежочек!
Вся работа насмарку, неведом ей вкус
– Не оценит ажурный платочек.

Да и что с нее взять – с деловухи
пустой? –
Не раскушала жизни красоты,
Обделенная счастьем крылатым –
Весной!
Вечный узник домашней работы.

3

Выцветшие стены, глядя исподлобья,
Мне, не умолкая, с болью говорят,
Что проходит мимо времени дорога,
И терпенье лопнув, взорвало снаряд.

Высохшие слезы, след оставив серый
Память всколыхнули как бы невзначай,
И рассказом долгим, время забывая,
Чувства заливая, щурилась свеча.

Дергается веко, нервы оголились
И паук додельный высунул свой нос,
Рваные обои все в гармошку сбились -
Клеить не досуг мне. И не в том вопрос.

4

Когда трясет недельный отходняк
И руки выдают накал запоя,
Движенье - пытка, в голове сквозняк -
Копец полнейший - говорю я со стеною.

Достала повседневная возня,
Заела, блин, тупая бытовуха!
Свободы нет - сплошная западня.
Внутри гудит сирена в оба уха.

Вновь лижет душу яростный огонь,
Нет сил терпеть обыденности копоть,
И хрупким льдом усохшая ладонь
Пытается утешить сбитый локоть.

Глядит с тоскою серая стена
И взглядом молчаливым укоряет,
Ползет по ней бессонная луна
И сроки по разметкам отмеряет.

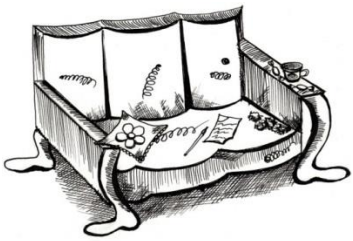
В пять лет – еле заметна полоса,
Луны демарш – очередная веха –
Я слышу дня рожденья голоса –
Приколы, поздравленья, всплески
смеха.

Воды с тех пор немеренно сошло,
И руки выдают накал запоя,
Луна мотает белою башкой.
Не встретить в этой жизни мне покоя.

Мне хочется прекрасным насладиться!
Не впопыхах, а чтоб самой раскрыться
Как розовый бутон, вдыхая аромат
И привкус на губах чтоб не был
горьковат.

Я ем глазами разные картины
И лезут из меня души пружины,
Как из дивана старого, вонзаясь
В грудь до глубин, и плакать не
стесняясь...

От чувства счастья, пылкого волненья
Вверх лезут - на кулички,-
устремленья.
Так хочется прекрасным насладиться,
Без памяти от счастья - отрубиться!

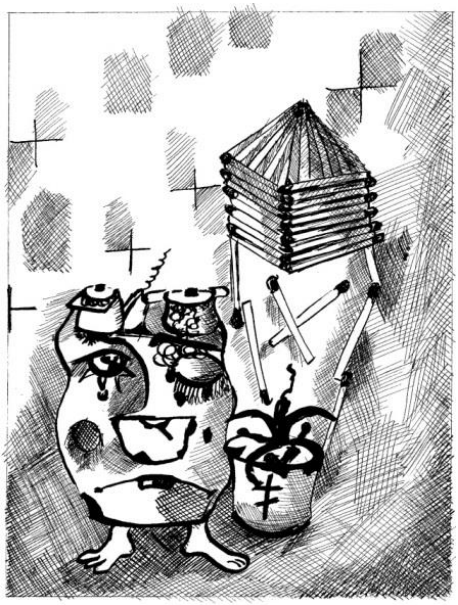


Когда совсем мне некуда бежать,
День опустился до предельной точки,
Спешу на выключатель я нажать,
Чтоб не расквасить нос на острой кочке.
Неровности нервозно обхожу,
Из рук фонарик без конца теряя,
И взор свой направляю к стеллажу –
Я голод книгой теплой усмиряю.
Забывшись, ем, глотая толстый том,
А время, как мороженное тает,
И строки, источают терпкий ром –
Жизнь светлое рожденье обретает!

Червяк наелся, пузо распустив,
Под щеку лодочкой сложив ладони,
Во сне напишет, может, детектив –
По пунктам разложив игру погони.

Спичка

Спичка сгорев, обуглилась до пальцев,
Напоминая погибших Троянцев.
Черная, в банке усохших трупов,
Голая вовсе, без толстых тулупов
Жира, от подгорелых котлет с луком,
Вместе с блинами, гороховым супом,
На некогда отмытой белой плите.
Напрочь забыв, о единственной мечте -
Быть дворцом на выставочном стеллаже
В белом граненом теле и - в тираже
Фотохудожников и очумельцев,
Но не в коробке среди погорельцев.



Ненасытный желудок рыча,
требует корма.
Возмущенный холодильник
с подбитым глазом
Скалит зубы, пугая сутулостью формы,
И кормить меня – он, явно,
не расположен.
Рассыпаюсь тирадой проклятий –
для профформы:

«На черта он мне нужен? –
страшилище зверское,
Чтоб не есть ничего, став
синюшным астеником?»
Он, на старости лет, высказал
свое веское:
«Руки прочь от меня,
не трогать внутренностей!» –
Выдохнув протнившее, премерзкое.

Содрогнувшись от внешности собеседника,
Удалилась, хлопая дверью расстроено, –
Озверела от голода – нечеловечески,
Выбежав из дома в ближайшую кофейню.
Думая о холодильнике все-таки –
по-отечески.

Дорожный чемодан вздыхает
недовольно –
Набила черти чем! – хозяйка едет в
отпуск:
Купальник, сланцы, трапик и
неразлучный фотик,
И рыльно-мыльный сбор, ну, и конечно,
зонтик.

Забиты ерундой дорожные отсеки –
Прищепки на белье, зарядки и штиблеты,
Чтоб по горам скакать, на память,
сделав фото,
Натуру изучать и рисовать кого-то,

Поймав заблудший взгляд отпускника
хмельного,
Вкусившего пивка и чачи перегона,
Рыбешкой закусив, и сваренной
чурч-хелой,
Хозяйка рвет листы ручонкой очумелой.

Распухший чемодан, навыкате
с глазами,
Брюзжит, как старый дед, в
растоптанных сандалях,
Понятно, что устал таскать мою поклажу,
Под полкою сидеть, пока бока я глажу.

Проспав и день, и ночь под перестук
колесный,
Вдыхая «чайный дух» и музыки
дорожной.
Я между сном гляжу в немытое окошко,
Хомяча впрок еду,- скрипит на зубе
ложка.
А чемодан бухтит - похоже, недоволен.

УГОЛ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Редко найдешь свободным – угол в
маленькой квартире,
Если ничем не заставили, значит, на то
есть причины –
Веские или не очень... В нем можно
повесить секиру
Для мух и жиличек, но невозможно
поставить штанины, –
Падают.
Комната, усеченная равнобедренными
углами,
Сузив пространство возмущенными
глазами, громоздкими
И мелкими вещами, заселяется всегда
пауками –
Главными хозяевами! Также предметами
плоскими,
Длинными:
Швабрами, досками, молотками и
мешками с травами
На гвоздике «сотке», с приколотой
булавками запиской –
Травка такая-то! Чего в углу нет –
банок с приправами,
А разных солений, варений – с
полугодовой пропиской,
Навалом.
Угол – вполне вместительный в
квартире любого размера,

Он, друг пауков-хозяев и недруг
детишек шкодливых,

Все про всех знает - предпочтения и
вредные манеры,
Также мысли неподъемные, бессонные
жильцов сирых -
Капризных.

Давит теснотою и бременем - утол
пристановения.

Одним глазом, скошенным к длинному
носу,
Не видящим – черной, вытнутой брови,
Ты смотришь обидчиво и недовольно,
Сказав, что тебе не хватает любови.

Берет молодежный тебе – не
нравится?
И ухо, слишком большое – локатором,
И капли воды – конопатость
дуршлачная...
Да... не бывать при жизни императором.

Но, ты можешь, пить чай императорский!
Хоть пять чайников – пей на здоровие!
Так и быть – куплю тебе сладостей
И торт испеку на предисловие.

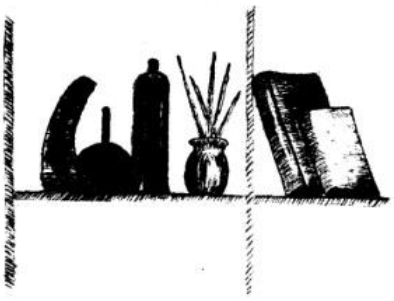
КЛОЧКО НИНА

Какая к черту правильность,
Прилизанность, порядок,
Желанье соответствовать
Тому, что только кажется.
Пора уже расслабиться
И делать то, что хочется,
И джина из бутылки
На волю отпустить.

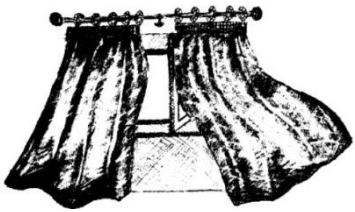
О стеллажи от пола до упора вверх!
Я так давно о вас мечтала,
Чтоб чинно разложить все то,
Что в беспорядке по углам лежало.
Теперь лишь руку протянуть
И можно отправляться в путь.

Ты, многоликое чудовище,
Веди меня куда-нибудь.
Веди дорогой незнакомой
в далекий край,
Веди в Гогеновы картины -
в цветущий рай.
Про направления в искусстве
ты расскажи
И «Агни Йогу» под подушку мне положи.

Ты смотришь сквозь пустые склянки,
зовешь меня
Нарисовать их акварелью к исходу
дня.
Неспешно ты меня ведешь, к своим
желаньям не привязан.
С тобою, друг, не пропадешь, хоть
помогать ты не обязан.
Нам не окончить путешествия,
предела нет.
Манит меня дорога дальняя
и башни свет.



Шторы бывают римские,
Английские и испанские,
Итальянские и французские,
А мы шторы простые русские,
Не широкие и не узкие,
Без оборок и складок,
Без излишеств и дурных повадок.
Цвета кофе с молоком наши тела,
Приятные на ощупь,
Они струятся с гардины на пол,
С шиком.
Нам русским нравится быть попроще,
Только бы, глядя на нас,
Кто-нибудь от зависти плакал.



Обращение книги

Я столько накопила для тебя,
Поверь, поведать есть о чем.
Но если не откинешь ты страницу
И взглядом по строкам не пробежишь,
Я так и буду жить в забвении,
Беременная мудрой мыслью,
И озареньем не прольюсь.

Ты ищешь истину?
Да, это не ко мне.
Достоинства мои преувеличены,
В тебе есть все,
Во мне лишь информация
И плод воображенья твоего,
Затертый, битый постулат
И статус-кво.

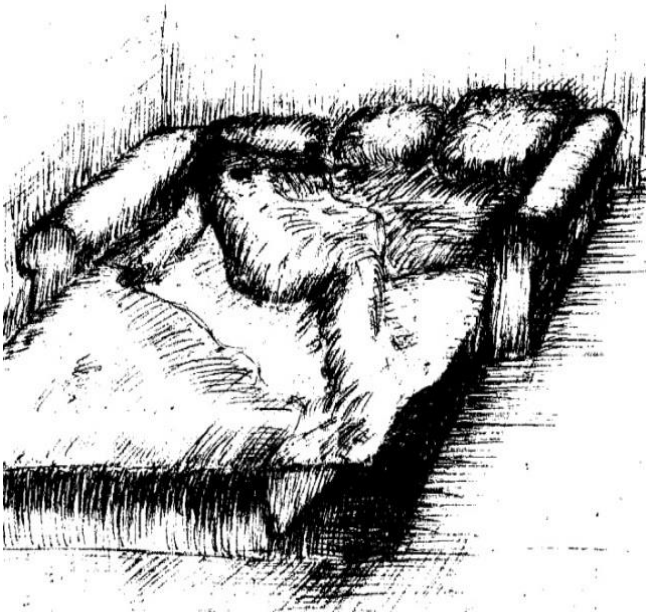
Когда меня открывают ногой
И в горло суют отбросы,
Я рад, что нарушен мой краткий покой
(Все-таки, это моя жизнь),
Меня не волнуют вопросы морали.
Я для того и создан, чтобы в меня
бросали,
То, что жевать устали,
То, что с тел овощей или кур сорвали,
Ну и другое тоже, но это детали,
От них уже все устали.

Меня волнует другое:
Сколько гектаров земли
Под мусором погребли?
И... вдруг он однажды
Не сможет вместиться,
И что ж, —
Он захочет домой возвратиться?

КРАСНОВА ТАТЬЯНА

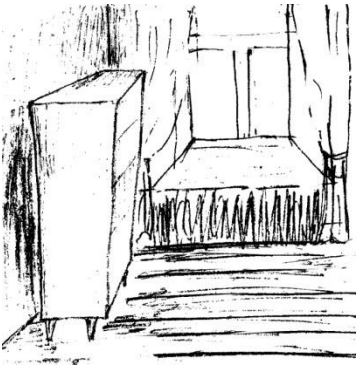
Гляжу в себя, как в зеркало,
до головокружения...

Мой любимый...
Мой старый...
Облезлый диван,
Как люблю
на тебя повалиться
После трудного дня
и потом с головой
Легким пледом дареным
накрыться

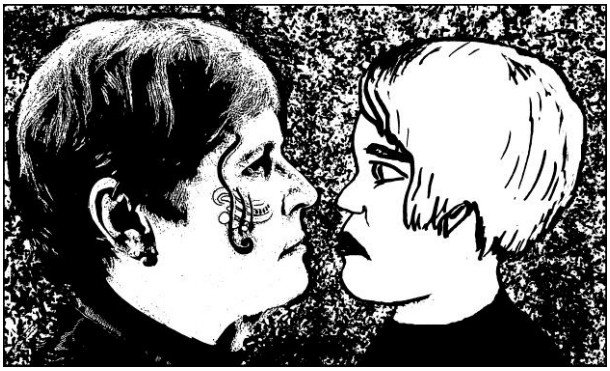


На почетном, «красном» месте –
У окна, где посветлей,
Ты стоишь,– хранитель мыслей
Афоризмов и идей.

Полки переполнены –
Пуста места нет!
С гордостью, с достоинством
Ты глядишь на свет.



ЧЕРЕВКО ВИКТОРИЯ



Творю, терзаюсь, каюсь... — опять творю...

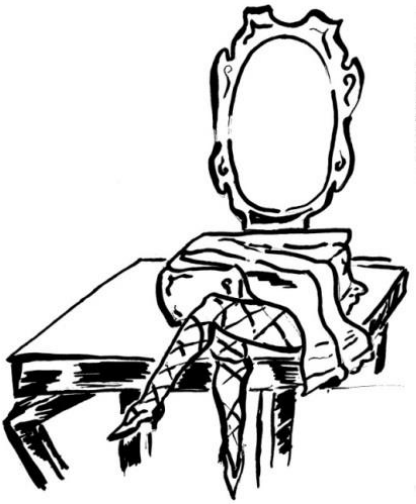
СТОЛ

Из столешницы и ножек
Он конструкторами создан.
Форму разную придали
В виде круга иль квадрата,
Может походить на месяц,
На изгиб замысловатый.
И размеров быть гигантских
На резных, прямых ногах.
В будуаре он изящный –
Мал и с зеркалом в обнимку.
В кабинете – с тумбой вместе
И плетеный стол в саду.
Благородной древесины
Он заказан для банкира,
С инкрустацией ажурной
Или мрамором одет.
А попроще – стол сосновый
И из стружки, из пластмассы...

Выбирай себе по вкусу
И возможностям своим.

Хлебосольный стол на кухне,
Домовитый и радушный –
Накормить готов любого,
Чаем, водкой напоить.
Наделенный чувством дружбы,
Для гостиных стол банкетный –
Собирает для беседы,
Для веселья и торжеств.

На востоке – стол приземист,
Он уютный и интимный,
Сложных чайных церемоний
Много правил знает он.
Стол испытывает радость,
Горе, грусть, души волненье.
Он хозяина поддержит
В дни отчаянья, проблем.
Пережить он может гибель
И рожденье поколений,
Старость испытать, болезни,
Скрипом боль свою открыть.



Радость – бурленье.
Грусть – суп подгорел.
Споры, веселье –
И чайник запел.

Пар из-под крышки –
В порыве душа.
Булькн пускают
И в чувствах спешат.

РЫЗЛОВ СЕРГЕЙ

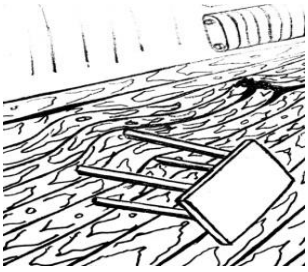
– Чижик – пыжик, где ты был?
– Я себя стихами мыл!

СТОЛ РАБОЧИЙ, ТРУДОВОЙ

Какой он прекрасный,
коричнево-рыжий,
Широкий мой стол трудовой:
Две тумбы углом, но одна чуть пониже -
Архив для бумаг деловой.
Удобно пристроен процессор
под крышкой,
А сверху - большой монитор.
И пишется славно, и водится мышкой,
И мысль завершает курсор.
Ах, как же хорош стол мой, стол
рыжеватый!
Как здорово думать за ним!
Рабочее место на мысли богато,
Широкий их спектр уловим.
О, стол мой рабочий, ты мыследержатель
Решений всех: сложных, простых,
Нападок напрасных еще отражатель,
Защитник для мыслей живых.
О, стол, за тобой мой любой посетитель
Удобно изложит доклад,
Совет и решенье проблемы проситель
Получит, и подпись в наряд.
Служитель ты верный Закону, народу
Помощник в решении дел.
Тебе посвящаю хвалебную оду,
Твой мной не достигнут предел!

ЗАКОН

Нежданно и негаданно
пол вздыбиться решил.
И вздыбился в горячности –
себя он заявил.
Он волеизъявление и гордость показал,
И потому он вздыбился,
и потому восстал.
Он в возбужденьи дыбом
с желанием стоял,
И на прохожих с гордостью смотрел
и не моргал.
Желание растаяло, остался только след,
И вздыбленность пропала вдруг –
была и вот уж нет!
Желание растаяло, и наступил релакс.
И из-под ног пол вырвался,
запал его погас.
И кто над полом этим
привык всегда стоять,
Тот рухнул в беспросветную
и потерял всю стать.



Богданова Татьяна

Смысла не существует вне сознания, человек сам создает смысл и наделяет смыслом всё, что создаёт.

Мыслей, смятения – бездна пологая –
Плачет старушка, вдова одинокая,
Дом опустел и бедна сирота,
Горестно век доживает она.

Так получилось, что та удалая,
Девочка лета, душа молодая,
В теле старухи страдает, тоскует,
И не живет – только лишь существует.

Жалкая слабость того осознание,
Мысли о смерти – души истязание –
Как получилось, зачем и за что? –
Ей на вопрос не ответит никто.

Словно бы сквозь нее люди глядят,
Не видят, не слышат, знать не хотят.
В молчании кроется главный ответ –
Здесь, в мире этом, места ей нет.

Мчится как ветер время презренное,
Чахнет и сохнет растение бренное,
Вскоре последний высохнет сок,
Стебель согнется, завянет цветок...

Одинокий звук донесся,
Средь степной пустынной пыли,
Словно знаменем пронесся,
Горький лист сухой полыни,

Приложился к ране нежно,
Есть цена лечебной силе,
Только рос он безмятежно,
На заброшенной могиле.

Там дрожат полыни лепестки,
Сон вдыхая,
И кружатся возле мотыльки,
Крыльями порхая.

Где живут воспоминанья,
Там течет река забвенья,
Прошлое нисходит в лету
До последнего мгновенья.

Одинокий звук навеял,
Песнь о тысячах миров,
Ветер трепетно развеял,
Прах погибших мотыльков.

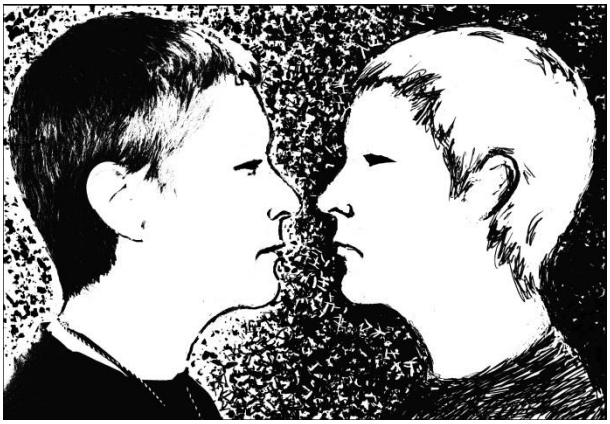
пинк диана

Я личность: добрая, милая,
Веселая и немного ленивая –
Я такая, какая я есть...

И не пытайтесь изменить меня.
Я была, я есть и я буду такой!

Подушка – наш друг
И подружка.
У каждого в жизни
Должна быть подушка.
Она с нами плачет
И с нами смеется,
Все выслушав молча,
Щекою прижмется.
И все наши тайны
Знает она.
Тоскует, скучает
Оставшись одна.
Переживает –
Она ведь живая!
Вот только об этом
Мало кто знает.

ШРИН



Довести до ума углы.
Довести до угла умы.

А как за угол повернут...

«ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ-2»
(РАССЫХАЮЩИЙСЯ СТУЛ ИЗ СВЕТЛОЙ ФАНЕРЫ)

Никотиновой горечью размыкая кольцо
Губ, хранящих улыбки вакхической
свет,
Солнц софитов движенье ловлю и лицо
Неуклонно держу vis-a-vis столько
лет,
Что не верится даже самой.

Рыбкою в зеркалах плещется
Отражение –
Сухощавость коленей, обнаженность
Плеча –
Дергает поплавок, дразнит воображение
Над последним инстинктом
взахлеб хохоча.

Под глазами — круги
оловянными лунами.
Поцелуем ли, взглядом — завою, сомну!
Сигаретный ожог. Воздух —
ломкими струнами.
Аромат карнавала отрешенно вдохну...

Льдинки тают в стакане, звякают,
шуршат по дну.
Тычется носом в стекло золотая рыбка.
Благородной фанеры цвета храню.
Седину
Крашу. Сама. ...Не стирается лишь
улыбка.

Шесть...
Играю с Барби.
Барби – моя дочка.
Я красиво одеваю Барби,
Кормлю Барби завтраком,
Обедом,
Ужином,
Пирожными с кока-колой.
Одеваю Барби в красивую ночнушку.
Барби красиво спит
В своей красивой кроватке.
Барби – это я.
Я тоже сплю.

Двенадцать...
Играю в Барби и Кена.
Кен целует Барби.
У Барби – мое лицо и фигура Барби.
Барби целует Кена.
У Кена – лицо Димы Билана.
Дима Билан целует Барби.
Я и Кен красиво одеваемся.
Барби целует Кена.
Катаемся на карусели
В Диснейленде в Париже.

Кен целует меня.
Ужинаем пирожными
В кукольном домике Барби.
Барби и я целуем Билана.
Кен обьелся пирожных
И тихо уснул на диване
В розовой гостиной
В кукольном домике Барби.
Барби и я спим в моей кровати.
Дима Билан уехал на концерт.

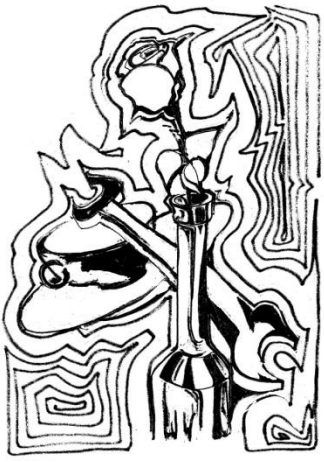
Восемнадцать...
Играю Барби по Станиславскому.
Вживаюсь в образ, я – Барби...
Я красиво одета.
У меня – лицо и фигура Барби.
Барби с Кеном целуются
В красном Феррари Кена.
У Кена – лицо и фигура Ди Каприо.
Едем по ночному Парижу.
Я целуюсь с Кеном.
Едим устриц с шампанским
В баре на Пляс Питаль.
Барби целуется с Кеном –
Кен целуется с Барби.
Танцуем в ночном клубе,

Курим какую-то дрянь.
Кен целует меня.
В красном Феррари...
Целуемся...
На Пляс Пигаль...
В красном...
Кен...
Леонардо...

Двадцать четыре...
Почти профессионально
Играю Барби.
В стильном лаковом тренче,
С красивым изящным клатчем,
Чеканю шаг вдоль проспекта.
Красный Феррари Кена
Медленно едет рядом.
У Кена — лицо Бреда Питта.
Барби целуется с Кеном
В красном Феррари Бреда.
Бред целуется с Барби,
Рука Кена лежит на моем колене.
Устрицы. Водка. Шампанское.
Я целуюсь с Барби.

Тридцать...
Уже давно не играю –
Теперь я, и вправду, – Барби.
У меня – лицо Шерон Стоун.
Целуюсь с каким-то Кеном.
Фигура такая, что Барби
Тихо скрежещет зубами.
А я вот – целуюсь с Кеном.
У Кена – лицо Траволты...
После работы в офисе
Бегаю час по парку,
Душ, макияж, прическа –
Свидание с Кеном в девять.
Феррари, кабак, осетрина,
Шампанское, водка – в номер.
Целуется Барби с Траволтой.

Тридцать шесть...
Барби...



Сорок два ...
Барби. Все та же Барби.

Пятьдесят...
Барби опять и снова.

Пятьдесят шесть...
Как ни странно,
Но – Барби...

Шестьдесят...
Привет, Барби!

Шестьдесят шесть...
Ого!..
Барби!..

Семьдесят два...
...!!!...

Восемьдесят...
Устрицы плавают в коле.
Траволта целует Кена.
Феррари тонет в бассейне.
Барби уходит к Билану.
Ди Каприо с Бредом Питтом
Резвятся на поле для гольфа.
Я – в кресле-каталке мирно
В 3-D смотрю Джонни Деппа.

ШТРИХ
(КОРРЕКТИРУЮЩАЯ ЖИДКОСТЬ)

Первая декада Козерога –
Возможность начать сначала

Ошибки в тексте жизни –
драма для одних,
А для меня – особая возможность,
Покончить разом с прозой,
превратившись в стих,
Прямую – закрутить спиралью,
сложность
Двойного вектора судьбы вложив в нее,
Равнины плоскостей поднять изломом...
Китайцем в прачечной, стирающим белье,
Узбеком, негром, работягой с ломом,
С метлой, с лопатой,
без манишки и перчаток,
Я заперт в тесной клетке
ваших правил.
Тружусь как раб над исправленьем
опечаток.
Я бел... Я снежен... Нежен... –
Все!
Исправил.

Творение Миров не терпит суеты,
Но требует внимания и страсти.
Как точка в Океане Темноты,
Ножом Зеркальным отсекая Части
От Плотного и Влажного Комка,
В котором притаилась Жизнь
до срока –
Глуха, слепа, косноязычна, далека
От Истины. В Цепях немого рока,
Не чувствуя, не зная, не боясь
Ни прошлого, ни будущих потерь,
Она плетет таинственную Связь
И, открывая Приходящим Дверь,
Перетекает в Емкости Их Тел.
Не мне Ее в безумии винить...
Даруя Им сей тягостный Удел,
Я отсекаю Пуповины Нить.

Вещный разум

Дизайн оформления Бондаренко Мария
Оригинал-макет Бондаренко Мария
Корректор ШриН
Редактор ШриН

Коллектив авторов

Отпечатано в ООО "Борус-Принт",
г. Тула, ул. Сойфера, д. 6,
тел. +7 (4872) 30-09-11, ИНН 7106027453
2015 г.